

М.В. ТУРОВЕЦ

ПРОТЕСТ КАК РАЦИОНАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Исследование протестов в России: Недостаток рациональности

Протестная активность недавних лет закономерно привела к появлению массы разнообразных исследований, посвященных новой волне политизации и теоретическому осмыслению политического действия. В текстах отдана дань различным перспективам объяснения протестных движений, от факторного анализа до анализа микропрактик [Бикбов, 2012; Калк, 2012; Фудин, 2012]; от социально-экономических описаний участников и характера протеста [Попова, 2012; Волков, 2012] до широкого теоретического анализа через понятия абсолютного события [Вахштайн, 2014] или популизма [Магун, 2014]. Однако все еще мало востребованной для изучения протестов в России была и остается теория рационального выбора. Некоторые авторы считают теорию рационального действия не способной объяснить политическую активность в России [Клеман, 2006]. Это утверждение верно только в том случае, если рациональное действие понимается как эгоистическое стремление максимизировать удовольствие и минимизировать издержки в краткосрочной перспективе. В то же время рациональность протестующих, как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, – это методологическая установка для создания более или менее совершенной теории. Протесты в русле предыдущих волн политизации время от времени описывались как управляемые, иррациональные [Климов, 1999], а взгляды недавних участ-

ников протестов оцениваются как скорее «моральные», чем рациональные, недостаточно сформированные для политических суждений в установившемся право-левом спектре [Ерпылева, Кулаев, 2012]. В исследованиях теряется представление о протесте как о рациональном выборе индивидов и групп, а значит, могут игнорироваться логические доводы самих участников протеста.

Наиболее широкая версия теории рационального выбора включает три положения. Первое, о предпочтениях, предполагает описание поведения через целеполагание, считая, что предпочтения определяют поведение, которое становится сообразным достижению целей. Достижение целей зависит от поведенческих возможностей и препятствий (т.е. выгоды и цены), состоящих из событий, облегчающих или препятствующих достижению цели. В этом состоит второе положение – о препятствиях. И последнее – о максимизации пользы состоит в том, что индивиды делают то, что считают наилучшим для них. Так, например, они объединяются в группы в случае, если понимают, что индивидуальные цели недостижимы только индивидуальными действиями, или прекращают принимать участие в протестном движении, если считают, что у последнего нет перспектив. Теория рационального выбора может объяснять действия не только индивидуальных участников, но и коллективных акторов, таких как государство. Ограничение этой теории лишь в том, что она, в основном, объясняет действия протестующих и их оппонентов на микроуровне. Объяснения связи событий на микро- и макроуровне может давать *подход* рационального выбора (rational choice approach) [Опп, 2013]. Как расширенная версия теории рационального выбора, так и подход рационального выбора могут сочетаться с теориями, объясняющими динамику эмоций, альтруизм и участие в протестных движениях. Таким образом, широкая версия теории рационального выбора вполне может быть методологическим принципом для исследования протестных движений, чего нельзя сказать о ранних версиях данной теории.

Тем не менее традиция исследования протестных движений с помощью теории рационального действия оказалась прорывной в свое время. В 1970-х годах гегемонию в поле американской науки захватил структурализм, рассматривавший участие в протестных движениях как иррациональное, реактивное действие. Оппоненты структуралистов доказывали, что участие в движении – рацио-

нальный выбор акторов, которые следуют своим интересам, организации и устроители движения играют ключевую роль в мобилизации, поэтому протестные движения являются нормальной частью политической жизни [della Porta, Diani, 2006, p. 14; Marjorie, 2005, p. 55–76]. Протестующие в этом контексте описывались как полностью рациональные, максимизирующие выгоду экономические акторы, игнорировалась динамика эмоций и альтруистические мотивы протестующих [Opp, 2013]. Последующие теории Мейера Залда, Энтони Обершала и Чарльза Тилли [Tilly, 1978] также принимали положение о рациональности, целеполагании и предполагаемой участниками протеста пользе социальных движений.

Таким образом, коллективное действие создается скорее из расчета «стоимости» и «прибыли» участия и неучастия, имеющихся форм организации, расчета вероятных действий оппонентов и ресурсов движения, чем из чувства несправедливости, беспокойства и неудовлетворенности, которые, в большей или меньшей степени, есть в каждом обществе. Возможность мобилизации зависит от доступных группе материальных (работа, деньги, конкретные выгоды, услуги) и нематериальных ресурсов (авторитет, моральное вовлечение, вера, дружба). Все эти ресурсы поддаются рациональной калькуляции. Тем не менее даже сторонники теорий мобилизации ресурсов признают, что ранние теории переоценивают сходство между социальными движениями и политикой групп интереса [della Porta, Diani, 2006, p. 15].

Важным вкладом в теорию рационального действия в применении к социальным движениям стала экономическая концепция Олсона, переложившая «дилемму безбилетника» на социальные движения. Эта дилемма гласит, что в массовых движениях за общие блага акторы склонны оценивать свой вклад в движение как незначительный и оставляют небольшому кругу активистов вкладывать ресурсы в борьбу за общие блага, которыми будут пользоваться все. Однако стоит отметить, что экономическая модель Олсона представляет собой теоретическую конструкцию индивидуального, а не коллективного действия и артикулирует проблему, которая успешно решается во многих движениях через создание дополнительных стимулов к участию. Основная часть критики теории Олсона подчеркивает, что данная теория рационального действия объясняет только индивидуальное, но не коллективное действие [Klandermans, 2004]. Более того, эмпирические исследования показывают, что в

массовых демонстрациях (более 100 тыс. человек) участники переоценивают политическую значимость своего участия [Opp, 2013].

Недостаток преувеличенно рационального описания социальных движений был устранен в поздних версиях теорий, основанных на подходе рационального выбора. Так, теория Берта Кландерманса [Klandermans, 2004] сочетает экономический инструментарий и положения теории «новых социальных движений», видящей истоки коллективного действия в разделяемой идентичности участников. Из экономики исследователь заимствует метафору спроса и предложения, где спрос в этом случае – потенциал протеста в обществе, предложение – возможности для организации протеста. Мобилизация привносит спрос в политический протест, который существует в обществе вместе с предложением возможностей принять участие в таком протесте.

Таблица 1

Отношение спроса и предложения по Кланцермансу

Уровень	Спрос	Предложение
Инструментальность	Социальное действие создается при решении «дилеммы безбилетника» через материальные или нематериальные стимулы к участию	Развитие движения зависит от формы его организации и от того, насколько эффективно та или иная организация сможет мобилизовать материальные и нематериальные ресурсы
Идентичность	Сильная идентификация с группой делает более вероятным участие. Коллективная идентичность создается через опыт пребывания в общих местах общества	На участие влияет желание людей идентифицировать себя с участвующей группой, лидером, организацией и причиной возникновения движения. Для поддержания групповой идентичности важны ритуалы, общие коды, праздники
Идеология	Люди участвуют в социальных движениях для выражения своих чувств, которые конструируются через когнитивные процессы и деятельность активистов	Фреймы коллективного действия, как правило, выражены в терминах несправедливости. В ходе развития движения создаются «темы» и «контртем», одна из самых распространенных пар – «самодостаточность» (человек сам ответствен за себя) против «взаимности» (ответственность – на обществе)

Соответственно, исследуются «спрос» (социализация, формирование недовольства и идентичности) и «предложение» (репертуары действия, эффективность социальных движений, фреймы и идеологии движения, составляющие идентификации, которые те предлагают). Мобилизация – процесс, который связывает спрос и предложение, своеобразный «маркетинговый механизм» в сфере социальных движений, а значит, исследование мобилизации касается таких вопросов, как эффективность коммуникации, влияние социальных сетей и воспринимаемые затраты и выгоды участия. Кландерманс исследует спрос и предложение с точки зрения инструментальности, идентичности и идеологии.

В мобилизации, где сходятся спрос и предложение на протест, Кландеманс выделяет консенсус и действие мобилизации. Первый является формированием солидарных взглядов, второй, достаточно очевидный процесс, автор разбивает на несколько шагов. Первый шаг – разделение публики на тех, кто сочувствует причине мобилизации, и тех, кто не сочувствует. Второй – разделение сочувствующих на тех, кто был целью мобилизации, и тех, кто не был. Третий – разделение тех сочувствующих, кто был целью, на готовых к действию и не готовых.

Разделив спрос и предложение протеста на три ступени, исследователь выясняет причины неучастия, исходя из теории рационального выбора и теории социального действия. Как правило, причины свертывания движения лежат в инструментальной плоскости: человеку недостаточно удовлетворения для преодоления представления о том, что в массовом движении его доля будет исчезающе мала, а участвовать в немногочисленном движении бессмысленно. Однако участники, как правило, понимают, что миссия движения труднодостижима, если достижима вообще. При этом миссия будет терять привлекательность для участников, если утрачиваются ее неотложность и актуальность повестки дня. Репрессии могут увеличить индивидуальную стоимость участия. На участие также влияют перераспределение участников в движении и расколы. Коллективная идентичность может распадаться, если со временем акцентируются другие идентичности. Кроме того, уменьшение загруженности может стать проблемой движения. Лидерство, идеология, организация, ритуалы и социальные отношения, составляющие дружеские сети, вносят вклад в поддержание загруженности.

Рациональность экологического протестного движения в российских условиях

Рассмотрим случай протеста против добычи никеля в Прихоперье, используя наиболее широкую из представленных выше версий рационального выбора – подход Б. Кландерманса. Активные демонстрации в ходе протеста против добычи никеля в Прихоперье продолжаются с мая 2012 г., на пике протестов в митингах принимали участие до 10 тыс. человек в Борисоглебске (зарегистрированное население – около 65 тыс. человек) и до 5 тыс. человек в Новохоперске (зарегистрированное население – 6 тыс. человек) [Справка о социальном конфликте].

Исследование ¹ началось в марте 2013 г. и проводилось в четыре этапа. Каждый из этапов включал установление контактов с активистами, интервьюирование, наблюдение за митингами (если они были) и ритуалами протестного движения. В процессе каждого вхождения в поле оставлялись заметки, делались фотографии, а после они обобщались в полевом дневнике свободной формы. Данные обобщались с помощью методов стратегии обоснованной теории через программу NVivo.

В терминах теории структуры политических возможностей движение против добычи никеля можно отнести к побочному движению (*spin-off movement*) [Tarrow, 2011, p. 183], которое следует за открывшимися политическими возможностями после начала основного протеста (в данном случае – против фальсификации выборов).

Часть активистов этого протестного движения являются также активистами движения «За честные выборы», другие поддерживают КПРФ, однако большая часть активистов заявляет о своей аполитичности. Сторонники движения против добычи никеля разделяют с основным движением фрейм противостояния «власти» и «народа», но не поддерживают фрейм «честности». Неожиданная тематика протестов, на которые еще не была задана реакция властей, также предопределила первоначальный успех движения. Кроме того, в большинстве случаев участники движения против добычи никеля

¹ Исследование протеста против добычи никеля в Воронежской области проводят Инна Силова и Мария Туровец, Елена Карлова, Евгений Крапчатов, Владимир Литвинов.

определяют «власть» как местную, но стараются сохранять нейтралитет по отношению к центральной власти.

Фреймы, как и «идеологическая» составляющая современного рационального подхода к изучению протестных движений, в развитии движения против добычи никеля в Прихоперье занимают более важное место, чем «инструментальность», выраженная в организационных вопросах и выборе стимулов для разрешения дилеммы безбилетника. К данному случаю протестов нельзя буквально применить основное предположение концепций структуры политических возможностей о том, что недовольство есть в каждом обществе, но возможности для его выражения предоставляются политической структурой. Структура политических возможностей в данном случае предоставила лишь небольшое «окно», а также некоторых разочарованных в конвенциональных партиях активистов. В то же время появление неудовольствия среди местного населения вполне рационально и доступно для описания через теорию рационального выбора. Так, занятость и доходы большей части населения Прихоперьа так или иначе связаны с сельским хозяйством, жители высоко ценят рекреационные ресурсы местности. В терминах Тилли, даже учитывая репрессии за коллективное действие, в случае начала разработок местные жители теряют несопоставимо много. Эта мысль вместе с эмоциями побудила жителей к коллективному действию, к которому не могли привести более абстрактные стимулы.

И1: ...Весело тут у нас. Так весело, что аж плакать хочется. Такое вот состояние, что узнали про это дело, два года уже, до апреля доживем, два года будет. Вообще, даже ничего не радует. Ничего не радует. Такое состояние, будто со всем прощаешься.

И2: Глядишь на весну, на цветы, на речку, на все. Будто уже прощальным взглядом на все смотришь.

И1: Да, с кем не поговорю, у всех то же самое.

И3: Ложись с этой в голове мыслью и просыпаясь с ней, включается.

И1: И сразу думаешь: долго ли мы будем жить на своей земле, дышать чистым воздухом? Пить воду чистую, купаться?

(Тройное интервью на пути к месту разработок, февраль 2014 г.)

И1 – женщина старше 55 лет, среднее специальное образование, пенсионерка;

И2 – женщина старше 55 лет, высшее образование, пенсионерка;

И3 – мужчина старше 50 лет, среднее специальное образование, военный в отставке.)

Множественная идентичность жителей пересекается в идентификации с территорией, которая не ограничивается городом или областью. Информанты и активисты чаще определяют территорию, к которой принадлежат, как Черноземье, плодородную, чистую, изобильную. Исследования также говоря том, что в Прихоперье сложилась собственная региональная идентичность, основанная на гордости местной природой, в особенности, чистотой рек и источников [Дзякович, 2010]. Проект добычи полезных ископаемых активисты описывают как осквернение земли, но чаще приводят рациональные аргументы экономического характера.

К весне 2012 г. в Прихоперье сложилась ситуация явного спроса на протестные коллективные действия. Проект добычи никеля представлял собой угрозу экономическому благополучию жителей региона, их идентичности и противоречил «идеологическим» фреймам. Однако предложения в виде имеющихся организационных форм политического коллективного действия было недостаточно для уровня спроса.

Информация о будущих разработках и их вреде стала распространяться в группах казачьих объединений, но эти достаточно закрытые сообщества не могли полностью удовлетворить спрос на протест в регионе уже в силу своей узкой идентичности, как и отдельные экологические организации¹. Тем не менее такие НКО также объединялись в сеть и вносили свой вклад в коллективное действие. Например, в начале апреля сформировавшееся движение «В защиту Хопра» пригласило в Воронеж известную эоактивистку Евгению Чирикову, чтобы вывести проблему добычи никеля в регионе на федеральный уровень.

¹ В 2011 г., еще до объявления результатов тендера, информационную кампанию против наиболее вероятного победителя «Норильского никеля» и против добычи полезных ископаемых в Воронежской области начали несколько экологических организаций и отдельных активистов. Так, Андрей Боярищев создал организацию «Экология 21», а в начале апреля сформировалось движение «В защиту Хопра» во главе с Константином Рубахиным. Однако протест в это время не был массовым и не носил сколько-либо значимого характера.

Парламентские партии также не могли удовлетворить спрос на протестные действия, хотя требования отмены решения о добыче никеля звучали на митингах парламентских партий и новых политических объединений, выступающих за честные выборы. К маю 2012 г. в Борисоглебске на политических митингах, где поднималась эта проблема, сформировалась гражданская инициативная группа против добычи никеля в Черноземье. Кроме Борисоглебска, гражданские комитеты создавались в небольших городах и селах, близких к местам планируемой разработки. Инициативная группа провела первый самостоятельный митинг против добычи никеля 13 мая 2012 г. в Борисоглебске, а 15 мая митинг против добычи никеля прошел и в Воронеже. Если в митинге в Борисоглебске участвовали около 2–3 тыс. человек, то в Воронеже – не больше 300–400. Впоследствии это соотношение сохранится – небольшие города и поселки, находящиеся в относительной близости к месторождениям (до 120 км), мобилизуются гораздо активнее [Туровец, 2014].

Однако в деятельности почти всех новых активистов сказались недостаток опыта и свободного времени для протестной активности. Недостаток опыта публичного участия проявился не только и не столько в способности координировать набирающее популярность движение, сколько в неумении публично выступать, вести связи с общественностью. Эту нишу заняла Валентина Боброва во главе группы активистов националистической направленности. Боброва, по словам информантов, обладает «харизмой», умеет говорить публично, выступать на сцене. На начальном этапе протеста, до первого успеха, группа в некоторой степени столкнулась с «проблемой безбилетника», и предложенная Бобровой помощь решила эту проблему. Координация зарождавшимся протестным движением отнимала много времени и сил, не всегда была совместима со стандартной рабочей неделей, а положительное подкрепление усилий в виде признания, внимания и доступа к нематериальным ресурсам группы не было гарантировано. В начале июня 2012 г. на митинге в Борисоглебске Боброва объявила о создании движения «Зеленая лента». В этот период она и группа ее сторонников вместе с рядовыми активистами энергично работали над объединением движения и координацией протестных действий.

Несмотря на всплеск протестной активности в мае-июне, состоявшийся в Борисоглебске в ноябре 2012 г. митинг против добычи никеля собрал лишь около 400 участников. Причины такого

резкого спада можно разделить на проблемы инструментальности, идентичности и идеологии. Грозящие расколом организационные проблемы, по мнению всех без исключения информантов, начались из-за недипломатичных заявлений в адрес других лидеров и некомпетентности Бобровой, что не позволило ей удержаться в роли лидера движения. Кроме того, более образованные информанты отмечают, что эта группа попыталась «привить» протестному движению националистический фрейм, который не был воспринят местным населением. Идентичность протестующих, несмотря на попытки расширения, связана в большей степени с Прихоперьем и Черноземьем. Поэтому националистический дискурс «чистоты», характерный для сторонников Бобровой, не нашел поддержки в этом протестном движении¹. Но, в основном, подобную риторику активисты посчитали вредной из-за угрозы раскола, которую привносил идеологический конфликт Бобровой с другими лидерами движения.

К концу 2012 г. раскол стал очевиден и в группе против добычи никеля в Черноземье в «Одноклассниках», что закончилось потерей Бобровой как этого многочисленного и быстро растущего информационного ресурса, так и доверия большинства сторонников.

Новые формы участия в протесте

Несмотря на спад протестной активности, спрос на протест к концу 2012 г. значительно не уменьшился. Так, согласно аналитической записке «Среда обитания и качество жизни населения»² [Справка о социальном конфликте..., 2013, с. 27–28] 85% респондентов знают о планах промышленного освоения Еланского и Ёлкинского месторождения, а 96 и 98% опрошенных соответственно склонялись к негативной оценке влияния разработки месторождений на окружающую среду и на здоровье населения. Более того, сети, на которых был основан успех «Зеленой ленты», оставались в действии, а многие активисты все еще были объединены протестом.

¹ Несмотря на это, многие националистические группы впоследствии признали движение «народным» и участвовали в митингах.

² Хотя сбор данных в ходе опроса в октябре-ноябре 2012 г. трудно назвать полностью корректным, свидетельства информантов также говорят о мощной поддержке протестного движения местным населением.

стной идентичностью. Кроме того, протестная идентичность легко связывалась с прихоперской, которая, в свою очередь, оживляется протестом из-за того, что под угрозой загрязнения оказываются акватории Хопра и его притоков. Протестная идентичность также подпитывается гордостью за плодородный черноземный край. Разработка медно-никелевого месторождения входит в противоречие сразу с несколькими фреймами, через которые жители региона определяют реальность. Во-первых, согласием высшего руководства страны на разработки нарушился фрейм «продовольственной безопасности», через который сторонники сильной государственности определяют функции региона в стране. Во-вторых, аграрные и рекреационные ресурсы региона во многом предопределили формирование фрейма «самодостаточности» у местных жителей. При этом поддержка данного фрейма не зависит от материального достатка. Так, преуспевающие активисты доказывали, что жители региона «самодостаточны» (т.е. не нуждается в рабочих местах и экономическом росте, обещанных «Уральской горно-металлургической компанией» (УГМК) в случае разработок) благодаря экономическому успеху или из-за того, что без помощи государства благодаря подсобным хозяйствам «пережили в 90-е». В то же время активисты, недовольные своим экономическим статусом, говорят о самодостаточности, артикулируя ценность окружающей природы, аграрный и рекреационный потенциалы, позволяющие потреблять «(экологически) чистые» продукты.

Так как после ноября 2012 г. «Зеленая лента» уже не могла удовлетворить спрос на протестную активность среди местного населения, в Борисоглебске была переформирована организация «Стоп никель», претендующая на первенство в гражданской коалиции инициативных групп. В отличие от большей части инициативных групп против добычи никеля, в уставе «Стоп никеля» прописаны формальные правила, препятствующие захвату власти в группе одним человеком и закрепляющие коллегиальное принятие решений. Так, в уставе прописали обязательную смену лидера (максимальный срок пребывания в должности председателя организации – два месяца), основные решения в ней принимает Совет учредителей, а корректирует – Координационный совет. Регулярно проходят конференции с представителями других инициативных групп, где протестующие координируют свою активность, например очередность проведения митингов против добычи никеля. По

словам нескольких информантов, «Стоп никель» претендует на лидерство в качестве центральной организации, объединяющей наиболее компетентных активистов относительно большого для этого региона города, Борисоглебска, хотя в ней состоят и некоторые активисты Новохоперска.

После этой реорганизации (до декабря 2012 г. «Стоп никель», как и многие другие организации, был построен «под одного лидера»), благодаря координации множества инициативных групп региона митинги против добычи никеля в Воронежской области снова стали массовыми. Так, первый после длительного перерыва митинг 10 марта 2013 г. собрал около 3 тыс. человек.

Установив выборность лидеров, «Стоп никель» во многом разрешил «проблему безбилетника» среди постоянного состава активистов. Так, если в организации с одним лидером можно делегировать ему принятие всех основных решений, то при коллегиальном принятии решений ответственность, как общественное внимание, получают все постоянные активисты. После того как движение просуществовало какое-то время, зарекомендовало себя в качестве массового, а активисты – компетентными в проблеме, публичный статус также можно назвать стимулом для участия. Самые компетентные активисты могут участвовать во встречах и совещаниях с представителями власти, куда раньше не могли бы быть допущены. Основным стимулом для участия рядовых активистов остаются чувства страха перед потерей экологических и рекреационных ресурсов.

По свидетельствам активистов, в ходе протеста укреплялась прихоперская идентичность. В процессе фреймирования активисты также связывают протестное движение с защитой родины, используя общие для национальной идентичности фреймы Великой Отечественной войны. Как сам проект добычи никеля в Черноземье, так и использование УГМК для разведки сельскохозяйственных земель с многочисленными нарушениями сравниваются с наступлением фашистов. Активисты, свою очередь, декларируют, что протестом они «защищают (родную) землю» и будущее своих детей и внуков. Тем самым они проводят параллели между собой и своими символическими предками-ветеранами. Особенно остро актуализировалась эта параллель перед митингом 22 июня 2013 г., когда протестующие прорвались на огороженное поле, где ведется разведка одного из месторождений, в результате чего были сожжены несколько бур-

вых вышек. Риторикой, связанной с защитой родной земли, были привлечены активисты казачьих и националистических групп, некоторые из них участвовали в акции прямого действия.

И: Часть [казаков] уехала сразу. А сразу после круга я вышел и говорю: «Ребята, если бы наши предки 22 июня...». Это как раз 22 июня. А там как раз плакаты «Наши деды», «День скорби». И такая накачка идеологическая шла. Агитку они, конечно, сделали неплохую. Я вышел и говорю: «Если бы наши деды 22 июня, вместо того чтобы животы свои класть, от немцев защищаясь, решали вопрос – когда очередное партийное собрание провести, то немцы были у Москвы не в ноябре, а в июле. И не у Москвы, а в Москве».

(И – мужчина, 46 лет, высшее образование, казак.)

Тем не менее нельзя с полной уверенностью сказать, что акция прямого действия была спланированной. Начиная с установки временок для рабочих-геологов, у протестного движения появился ритуал посещения мест планируемых разработок при каждом сборе активистов из разных мест. В некоторых случаях ритуалы были более массовыми и объединенными религиозной формой крестного хода. Якорем для этих ритуалов стали охранные кресты, установленные местными священниками. Религиозно-патриотический фрейм, во многом воспроизводимый и поддерживаемый местной властью, и определяет действия протестующих как защиту и охрану родной земли и в некоторой степени гарантирует невозможность привлечения к ответственности в соответствии с законом о несанкционированных митингах и шествиях.

Репрессии и их влияние на участие

Информационный фон 2012 г. служил предупреждением о цене участия в коллективных действиях и для активистов движения против добычи никеля. Эта цена не ограничивается только репрессиями, в том числе государственными, но распространяется и на отнесение протестующих к потенциальным врагам страны, «дестабилизирующим положение» и «раскачивающим лодку» [Туровец, 2014]. Во многом в ответ на этот прием деполитизации активисты декларируют аполитичность, даже когда протестное движение становится не только экологическим, но и социально-политическим.

В условиях, когда цена участия повысилась, особенно важным оказалось участие в протесте казаков с опытом и готовностью к быстрой мобилизации. В то же время высокая цена участия для казаков обострила противоречия их идентичности. С одной стороны, участие в протесте подкрепляло идентичность казачьих атаманов, связанную с вооруженной защитой родины. С другой стороны, информанты с казачьей идентичностью говорят о том, что родная земля для казака — это не абстракция, а хутор, земля в собственности казачьей общины. Таким образом, активисты, в том числе на митингах против добычи никеля, подчеркивают, что казачья идентичность не может быть признана подлинной без видимых дел в защите родной земли, Черноземья. Но фактически она не может быть подлинной и без земли в собственности казачьей организации, приобретению которой, по косвенным признакам, способствовали местные власти в награду за коллаборационизм. Денежную награду за выход из протестного движения в качестве провокации предлагали и некоторым из ключевых активистов.

Другой стороной давления, как на казачьих, так и на гражданских активистов, стала угроза репрессий, т.е. повышение цены участия в коллективных действиях определенной организации. Если использовать термины Тилли, УГМК можно назвать организацией, по силе не отличимой от государства. Однако если до декабря 2013 г. были зафиксированы репрессии со стороны УГМК и местных властей, позднее можно уже с полной уверенностью говорить о государственных репрессиях. Так, например, уголовные дела о вымогательстве взятки за прекращение протестов не имеют смысла уже из-за децентрализованной структуры протестного движения. Даже если вымогательство имело место, представители УГМК могли без какого-либо ущерба проигнорировать его, так как маловероятной представляется неосведомленность компании об особенностях организации протестного движения. В то же время информанты говорят о необоснованных обысках и систематическом незаконном привлечении активистов к административной ответственности. Хотя проверить достоверность этой информации не представляется возможным, при сложившихся отношениях власти это может быть вполне вероятным.

В бюджетных учреждениях поощряются клиентские отношения и санкционируются участие в относительно масштабном коллективном действии, которое оценивается как политическое.

Цена участия в протестных акциях для работников бюджетных учреждений довольно сильно различается (от нулевой цены или устного порицания, до лишения премии, иногда равной заработной плате, и вплоть до увольнения¹). Но постоянные, публичные активисты, «видимые» для медиа, фактически не могут избежать репрессий. Поэтому многие оказывают помощь движению анонимно, а большую часть постоянных активистов составляют пожилые люди, как правило, женщины на пенсии, относительно обеспеченные или самозанятые люди. Большую часть работников бюджетных учреждений мобилизуют для участия в митингах, инициированных местными властями, а в Воронеже начиная с лета 2014 г., для организации пикетов в поддержку добычи никеля привлекают представителей провластных молодежных движений. Оба вида провластной мобилизации носят реактивный характер, т.е. созданы для ответа на митинги и пикеты движения против добычи никеля. Участников этих мероприятий объединяет то, что они (если высказываются вообще) делегируют способность выносить суждения о вреде или пользе добычи никеля, но не пытаются разобраться в различных экспертных мнениях, как делают протестующие.

Клиентские отношения в бюджетных учреждениях распространяются и на государственные СМИ. Информанты, работавшие на местном телевидении, говорят о негласном запрете на освещение движения. При этом, когда движение только появилось, митинги протестующих показывались в трансляциях регионального телевидения и на интернет-телеканале «Светоч». Но позднее повестка дня в местных СМИ была скорректирована через финансирование и давление².

* * *

Случай протестов против медно-никелевых разработок в Прихोперье доказывает, что могут существовать условия, когда

¹ Информанты говорят о многочисленных увольнениях из-за участия в протесте, и только об одном случае, когда активистка Любовь Вавилова смогла по решению суда восстановиться в должности руководителя дома культуры села Елань-Колено.

² Методы контроля над повесткой дня в СМИ Воронежской области сходны с описанными на примере Тюменской области [см.: Граждане..., 2011. С. 107–112].

коллективные действия в политической сфере становятся осознанным и рациональным выбором жителей российской провинции. Несмотря на репрессии, деполитизацию и другие сопутствующие условия российского политического режима, который относят к соревновательным автократиям, при условиях угрозы жизненному стилю, экономике и основным ценностям населения возможны массовые протесты. Может быть, не совсем правомерно называть такие неожиданные всплески политической активности «абсолютными событиями», фреймирующими впоследствии окружающую рутинную реальность. Само возникновение такого «абсолютного события» предопределено сложившимися способами определения реальности и довольно предсказуемо в том случае, если спрос на протестное поведение анализировать заблаговременно.

Изучение протеста против добычи никеля, как и других низовых протестов в российской провинции, ценно не только установлением стимулов коллективного действия и режимов рациональности активистов. Анализ большей части активизма, как политического, так и гражданского, зачастую ограничивается либо «профессиональными» активистами, либо представителями элит и экспертного сообщества. Хотя такие исследования также крайне важны, они не дают полного представления о протестном потенциале не вовлеченного в политику населения, особенно малообеспеченного населения российской глубинки.

Список литературы

- della Porta D., Diani M.* Social Movements. – Oxford: Blackwell. 2006. – 341 p.
- Klandermans B.* Demand and Supply of Participation: Social-Psychological Correlates in Participation in Social Movements // D.A. Snow, S.A. Soul & H. Kreisi (Eds.) Blackwell companion to social movements. – Oxford: Blackwell, 2004. – P. 360–379.
- Marjorie M.* Global citizens: social movements and the challenge of globalization. – L.: Toronto: Zed Books; Canadian Scholars' Press Inc., 2005. – 224 p.
- Opp K.-D.* Rational Choice Theory and Social Movements // The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements / D.A. Snow, D. della Porta, B. Klandermans, D. McAdam (eds.). – L.: Blackwell Publishing Ltd., 2013. – Vol. 3. – P. 1051–1058.
- Tarrow S.G.* Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics. Third Edition. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2011. – xx, 328 p.
- Tilly Ch.* From Mobilization to Revolution. – Reading: Addison-Wesley. 1978. – 349 p.

- Бикбов А.* Методология исследования «внезапного» уличного активизма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011 – июнь 2012) // Лабораториум. – СПб., 2012. – № 2. – С. 130–163.
- Волков Д.* Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты. – М.: Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр), 2012. – 55 с. – Режим доступа: http://www.levada.ru/sites/default/files/movementreport_0.pdf (Дата посещения: 1.09.2014.)
- Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / [ред.-колл.: С.В. Патрушев (отв. ред.), С.Г. Айвазова, П.В. Панов]. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 325 с.
- Дзякович Е.В.* Формирование местной идентичности: территориальные факторы и их социокультурное значение // Вестник Поволжской академии государственной службы. – Саратов, 2010. – № 2. – С. 218–225.
- Ерпылева С., Кулаев М.* Митинги в России 2011–2012 годы: вернулась ли политика на улицы? // Политика аполитичных. Гражданские движения в России 2011–13 гг. / Под ред. С.В. Ерпылевой, А.В. Магуна. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 233–250.
- Калк А.* «Креативная» Болотная и «народная» Поклонная: визуальный ряд митингов в российских СМИ // Лабораториум. – СПб., 2012. – № 2. С. 164–172.
- Клеман К.* Подъем гражданских протестных движений в закрытой политической системе: потенциальный вызов господствующим властным отношениям? / Ин-т коллективного действия. – Режим доступа: [://ikd.ru/node/78](http://ikd.ru/node/78) (Дата посещения: 1.09.2014).
- Климов И.А.* Шахтеры в «рельсовой войне»: субъект социального действия или объект манипуляции? // Русский мир. – М., 1999. – № 3. – С. 133–152.
- Магун А.* Протестное движение 2011–2012 годов в России: популизм нового среднего класса // Статис. – СПб., 2014. – Т. 2, № 1. – С. 192–226.
- Попова О.В.* «Рассерженные горожане»: группа одного интереса? // Политекс. – СПб., 2012. – Т. 8, № 2. – С. 58–79.
- Туровец М.В.* Противостояние деполитизации: движение против добычи никеля в Воронежской области // Политика аполитичных. Гражданские движения в России 2011–13 гг. / Под ред. С.В. Ерпылевой, А.В. Магуна. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 351–385.
- Фудин А.* Наблюдатели в регионе: наброски к анализу // Лабораториум. – СПб., 2012. – № 2. – С. 173–182.
- Справка о социальном конфликте и позиции местного населения в связи с решением о добыче медно-никелевых месторождений в Воронежской области. Выдержки из аналитической записки «Среда обитания и качество жизни населения». – 2013. – 30 января. – С. 26–32. – Режим доступа: <http://stopnickel.org/wp-content/uploads/2014/01/07-socio.pdf> (Дата посещения: 1.09.2014.)